

Шолохов Михаил
Александрович

30.8.94.

Трудно было обмануть Шолохова

Моисеева Л. Н.

Восп. мемуар. — 1994. — 30 авг. — С. 4.

Я только собралась идти домой после суточного дежурства, а тут на тебе — звонок главврача: «Прасковья Николаевна, прошу принять одного пациента. Я знаю, больных у вас много, но это особый случай».

Я, конечно, в уме чертыхнулась, думая, вот эксплуататоры, но делать нечего, больно прежде всего.

Читаю историю болезни Шолохов Михаил Александрович. И далее на трех последующих страницах — диагноз и настойчивая рекомендация врача о немедленной госпитализации. Но Михаил Александрович не внял просьбе лекаря, и далее следовала такая запись (но уже неровным почерком): «Больной категорически отказался от госпитализации и вывел врача».

Ну и ну, подумала я. Мне предстоял нелегкий «бой» с человеком очень знаменитым, но, судя по всему, недисциплинированным.

Не успела я собраться с мыслями, как вдали в коридоре показалась каталка с «бунтарем» Михаилом Александровичем Шолоховым. Я пошла навстречу, представилась лечащим врачом, спросила о самочувствии и о здоровье вообще.

Пропустив мой вопрос мимо ушей, Михаил Александрович твердо заявил, что поступил в больницу только на несколько часов, и приказным тоном потребо-

вал: «Посмотрите меня и сразу же выпишите».

Я опешила. Откровенно сказать, первый раз в моей практике больной ставил врачу такой ультиматум. Но делать было нечего. Времени мало. Шолохов есть Шолохов, бой неравный. И нужно было сделать так, чтобы мы оба выиграли. Сестре сказала: «Быстро больного в перевязочную!»

Там я, быстро осмотрев его, полностью согласилась с диагнозом поликлиники. У Шолохова был острейший геморрагический артрит коленных суставов. Хорошо обезболив, приступила к пункции, приговаривая: «До чего же вы себя довели!» Больной притих. Воспользовавшись паузой, я моргнула сестре, которая знала, чего я хочу. Мы быстро повернули пациента на живот, наложили гипсовые лангеты, хорошо забинтовали, и только в палате Шолохов понял — это надолго.

Хитро улыбаясь (безуловно, ему стало легче), он задал мне такой вопрос:

— Скажите, пожалуйста, откуда вы такая?

— Какая?

— А такая! Как волчица, набросилась на меня, не дала опомниться, превратила меня в гипсовую статую... Я оказался в плену и у кого?! У женщины, хоть милой, но женщины... — И повторил снова: — Настоящая волчица!

И тут я не выдержала и засмеялась:

— Михаил Александрович, вы угадали. Я же тамбовская.

Тут и он засмеялся, окончательно сгоняя остатки суровости:

— Вот совпадение — тамбовская волчица.

В общем, лед между нами растаял. Мы быстро нашли общий язык и подружились. Михаил Александрович оказался добрейшим человеком и каждый раз пытался узнать обо мне еще что-нибудь.

Как-то мы разговорились о войне, и я ему рассказала о моей встрече с волками в

конце 1945 г. и о том, как я чудом избежала встречи с бандитами-дезертирами, которыми в то время прямо-таки кишела Тамбовская область. Ему понравился мой рассказ, и он на полном серьезе сказал:

— А вы ведь можете писать.

— Да что вы, Михаил Александрович, — какое там писательство!

— Нет, нет, — запротестовал он. — Ваша история — готовый рассказ! Его даже исправлять не надо. Только записать.

Прошло около трех недель. Больной поправился, окреп, порозовел. Коленные

суставы мы привели в полный порядок. Я пришла на обход в хорошем настроении и решила обрадовать Михаила Александровича: «Разрешаю вам встать». Он сначала обрадовался, а потом вдруг помрачнел:

— Как же я перед вами встану — ведь я маленький, а ноги у меня кривые...

Когда Михаил Александрович стал выходить на прогулку в коридор, произошло одно ЧП. В соседней палате лежал с переломом плеча другой мой пациент, бывший постпред СССР в ООН Малик. Мы с ним были знакомы еще по Парижу, когда я там работала врачом в посольстве. Я пригласила его в перевязочную для снятия гипса. Только мы выходим из дверей (обычно у нас впереди идет больной; а за ним врач), как Малик бросается назад в палату, чуть не сбив меня с ног. «Что случилось?» — «Там Шолохов!» — с трудом выговаривает Малик.

Он схватил меня за руку, усадил на стул и принялся сбивчиво рассказывать. А дело было так. Малика в Нью-Йорке из Москвы предупредили, что в Америку по приглашению правительства и писательского мира на какое-то совещание едет Шолохов. И самое главное — не допустить, чтобы он явился туда навеселе.

Задача, прямо сказать, не из легких. Ведь в посоль-

ствах, а тем более в представительстве ООН всегда были большие запасы дорогих вин, и удержать Шолохова от соблазна стоило больших трудов. Не жалели даже денежных средств, чтобы уговорить изготовителей вина налить в бутылки с этикетками дорогих вин сок или какой-нибудь другой эрзац. Вот и сейчас все это нужно было сделать быстро, до прибытия Михаила Александровича.

В день приезда Малик заказал лимузин, встретил писателя честь по чести. Но Михаил Александрович с дорожки решил опохмелиться. Как откажешь такому гостю? На выбор предоставили целую батарею. Он принялся угощать сам себя, открывая одну бутылку за другой и тут же отставляя их в сторону. Малик с тревогой поглядывал на часы: скорее бы отправить Шолохова на совещание!

Наконец пробили стенные часы — время отъезда. Слава Богу! Малик услышал последнюю фразу Михаила Александровича: «Вот проклятые капиталисты, торгуют всякой ерундой — не вино, а вода!»

В общем, Малик задание Москвы выполнил. Зато когда до любителя хороших вин дошло, что Малик провелего, как мальчишку, этого обмана он не мог простить ему никогда.